

Уходящая Атлантида братьев Стругацких: социальная фантастика эпохи СССР

(«каммереровский» цикл в качестве системы проектирования этического гуманизма)

Ил. 1. Аркадий Натанович (1925—1991)
и Борис Натанович (г.р. 1933) Стругацкие

Влияние классиков отечественной научной фантастики (НФ) Аркадия и Бориса Стругацких (АБС) на читателей было так велико, что космонавт Георгий Гречко, дважды Герой Советского Союза, взял в первый полет повесть «Трудно быть богом» (в стругацковедении – ТББ, написана в 1963 году). Эта книга – наряду с повестью «Попытка к бегству» (1962) – стала рубежом болезненного и этически неразрешимого (в той же степени, что и проблемы социального прогресса) конфликта, поскольку *светлый* «мир завтрашнего дня» оказался рядом с «миром тьмы».

В ТББ нет пораженческого пессимизма, есть *один* проигранный бой и указаны причины прежних «поражений» (этапов развития человечества). Проблема не в «семенах страха», – очевидной инвективе, обращенной к прошлому, – «сталинскому», темному-претемному! «Враг внутри твоих солдат», – горюет главный герой, мысленно обращаясь к непобежденному и как бы неуничтожимому *бунтарю* Арате. Вопрос, разумеется, не в том, что данный «уровень производительных сил», соответствующая цивилизация-культура не могут породить ничего, кроме земледельческих общин и ремесленно-торговых городов, которым в далеком будущем *светит* индустриальное перерождение, далеко не «светлое» для подавляющего большинства *потомков*. Проблема в другом: что такое гуманность? Нормы воспитания (политическая корректность, классовая солидарность, бытовая прагматика) – или выстраданные принципы сострадания-любви к людям, ближним и дальним? Религиозное это, биологическое или «родовое» чувство солидарности? Сразу вспомнишь кое-что из детской российской классики: «А почему мастеровые такие грязные?» (если *неправильно* одетые косноязычные недочеловеки – тоже люди, как можно их уважать?). В «светлом» мире, где маленькие дети Земли играют в Арату-мятежника с другой планеты (он пока Красивый, не Горбатый), люди верят, что война и насилие лишены смысла не только здесь, где «грязную работу» делают *киберы*, а наука-знание «уже» является

производящей силой. «Варвар» с оружием кажется им не просто убийцей-мучителем, насильником и грабителем, это как бы выходец из адских бездн, хотя он всего лишь исторический персонаж: далекий предок, этап развития вроде школьника, подчиняющего сверстников побоями и подачками, завидующего взрослым бандитам, «хозяевам жизни». Мы-то сами, нынешние, что, очень прогрессивные и бескорыстные, – монахи-вегетарианцы, премудрые и благостные?

Кстати, насчет монахов – в ТББ они не случайно стали Святым Орденом и раздавили «серых» плебеев-мещан, слепых в своей самодовольной ограниченности. «Темная» стадность, хищнический эгоизм «хамья» – из тех же форм-условий существования, что и стальная орденская дисциплина («смирение духа и плоти») или фальшивое вольномыслие аристократов. Законы бытия таковы, что сильные (т. е. *мыслящие*) используют прочих!

В рамках данной публикации рассматривается только одно из направлений творчества АБС, как для пущей краткости именуют самых почитаемых классиков отечественной фантастики. «Каммереровский» цикл (или подцикл), ныне тонущий в Лете, реке забвения, требует от читателя эмоционального сопереживания. Нужно также *понимание*, своего рода «культурологическая реставрация». Слишком спешили очередные поборники прогресса к всемирному торжеству «нового мышления» – *общечеловеческим* зияющим вершинам! Утрачено сострадание к «маленькому человеку», коего определили сразу и в палачи, и в жертвы, из-за чего *жертвы* получились воистину нечеловеческие: серые волки и черные вороны, а не люди, павшие *в борьбе*. Белые, зеленые, красные, монархисты-аристократы и конституционалисты-либералы, националисты всех мастей и этносов, «куркули» и «очкарики», комбедовцы и священники, но больше всего тех, разумеется, чья хата была с краю – по видимости, не по сути. Их нельзя отмыть от чужой и собственной крови, – даже дети, умершие от голода и эпидемий, в «душегубках» и под бомбами, в нашем представлении шепчут проклятия! Как все было на самом деле и, главное, почему именно так *случилось*, по существу не обсуждается, – «сталинизм» виноват и «тоталитаризм»: не надо было делать революцию, индустриализацию и коллективизацию!

Это *элитное* нытье – антиинтеллектуальное самооплевывание на «помойке истории», однако «маленький человек» никуда не делся: он остается собой и сидя в «иномарке». Трудно *по-человечески* любить «грязных и тупых, злых и хищных»! Оказывается, дон Румата и впрямь аристократ, – «аристократ духа»? Грубая сила (которой ума не надо) – или «духовная», «умственная», она же интеллектуальная, является показателем сословной принадлежности. На стене висит востра сабелька или на поясе, владеющий благородным искусством фехтования герой обнажит клинок, яко душу свою, для битвы за правое (по *его* мнению) дело. Почему, например, цивилизация Великого Демократического Запада не вправе *помочь* «отсталым»

культурам? Если эти «темные» ослы цепляются за старое, не понимают своего счастья, есть удары с воздуха (кну́т) и гуманитарная помощь (пряник)...

Не случайно ТББ воспринимается и либералами («прогрессистами» прежде всего) и консерваторами (включая воцерковленных) как произведение, отражающее конфликты действительности отнюдь не вымышленной, виртуально-проектной. Именно поэтому повесть открыла дорогу постижению конфликтов развития, считавшихся уже решенными в исторической практике классовых войн XX столетия, *века революций*.

Динамическая гармония мироздания и конфликты общественного развития

Человек – часть мироздания или что-то другое? Если он развивается по законам-тенденциям, свойственным Вселенной в целом, то обязан кое-что предвидеть, чтобы осуществить «предназначение разума»! Фантасты СССР далеко не первыми обозначили очевидный для *века модерна* конфликт «пещерного» эгоизма и «альтруистического» коллективизма, хотя «пещерные» (неолитические, палеолитические) люди вне своего рода – без *коллективизма* – себя не мыслили. Индивидуалист, предоставленный себе, погибал и в XX веке до нашей эры, и в XX веке нашей эры, так что не случайно у Э. Хемингуэя («Иметь и не иметь», 1937) умирающий от ран герой говорит, что «человек один не может»: нужна поддержка себе подобных по ценностям и устремлениям!

АБС, используя наработки «папы Хэма», сразу и солидаризировались, и открыли полемику с этим «антианархическим», но и «мещанским» тезисом... Декларировали в «каммереровском» цикле¹, рожденном из «Трудно быть богом» и «Попытки к бегству», личностную ценность каждого мыслящего человека, – мыслящего «самостоятельно», хотя «самостоятельное» мышление (оно же «оригинальное», «уникальное») – обычно лишь эвфемизм, иносказание, подразумевающее форму социального конфликта, борьбы идей. Об индивидуализме идейном (и эгоцентризме) речи нет, однако человеку необходимо умение постоять за себя – и соответствующий опыт, навыки мышления, иначе данная особь пребывает в статусе раба, живет без *социального интеллекта*. «Несамостоятельных» особей, равнодушных к реальным отношениям внутри общества, даже низы этого самого общества рассматривают в качестве аутсайдеров, показывает «Лагерный словарь» С.А. Снегова, писателя-фантаста с опытом «сидения». Понятное дело, «самостоятельный мужчина» мало пьет, редко лжет и не таскается по бабам, а «самостоятельная женщина» не склонна к распущенности [1, с. 242]. Есть

¹ «Страннический» цикл, инициированный повестью «Попытка к бегству», развитый и продолженный «Малышом», имеет «каммереровское» ответвление. «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер» (как бы продолжение «Обитаемого острова» на идейных позициях 80-х лет) примыкают к «Малышу» тематически, но также и благодаря присутствию Майи Глуумовой. Избыточно эмоциональная в «Малыше», эта героиня оказывается первой (и единственной, похоже) любовью Льва Абалкина в «Жуке», а также матерью следователя Тойво в «Волнах», – она как бы представляет «женское начало».

нормы житейской нравственности *горожан*, – это и есть *мещанство*, может быть? У Горького и Платонова вопрос оставлен открытым, а у Стругацких мещанин тот, кто «гасит свой разум» («Стажеры», «Хищные вещи века», «Второе нашествие марсиан»). Этот социальный тип (горожанин-гражданин, бюргер-буржуа) не то чтобы противится интеллектуальному своему развитию, но нипочем не желает «перековываться» в *сознательного* интеллектуала, устремленного к прогрессу, глубоко и критически мыслящего. Пусть вокруг беда и боль, всемирный кризис и природные катаклизмы, – гори оно все огнем, никуда мы не пойдем, останемся дома! Приятнее и проще «выпивать и закусывать квантум сатис», чем становиться генетическим калекой, «богом-мокрецом», отвечающим за судьбу человечества и воспитание чужих детей, способных одолеть *косное* мироздание, застывшее в равновесии дискретного гомеостаза, чтобы выйти-таки в *светлый* «мир полудня» («Гадкие лебеди»).

Противопоставление осмысленной, творческой, созидательной деятельности условно «люмпенскому», откровенно хищническому нежеланию вести себя *по-человечески* (и наоборот, представление о человеческом начале как слепом своекорыстии) есть уже в раннем творчестве Стругацких. Трудягам-интеллектуалам интереснее работать, чем развлекаться, а для «мещан» паразитическая форма существования является показателем житейского успеха. «Маги»-ученые – не хлюпики-неумейки, они могут отладить любую технику, даже бытовую, они любят учиться и много думают, а «мещане»-потребители – *граждане*, функционирующие в рамках прав и обязанностей, поэтому им хорошо, лишь когда «весело и ни о чем не надо думать».

Казалось бы, все линейно просто: лебедь рвется в облака, щука тянет в воду! Почему-то, однако, не творцы-энтузиасты, а мещане-простецы с их убогими «правами» в *свое рабочее время* «держат на себе здание человеческого духа», отдают *не по доброй воле* прибавочную стоимость и налоги («Стажеры»). Недалекие особи-индивидуумы, «темные люди» прекрасно знают, что их жизнь «фабрицируема» и что они, благополучные якобы избиратели-потребители, на деле вольны определять разве что свой индивидуальный досуг, – в исключительных случаях и в особых рамках, по прейскуранту экстремальных норм («Хищные вещи века»), – но отнюдь не законы социума, далекие от деклараций политиков и юристов, экономистов и социологов, пиарщиков-лоббистов и прочих лжецов-демагогов. Идеология, по их представлениям, заведомая ложь, так что подышайте сами в битве за **ваше** светлое будущее, бунтари-интеллигенты и монахи-начетчики! Так они мыслят, эти «говорящие орудия», и что же? Власти предержавшие преспокойно посылают их самих, их детей и внуков под Верден и на линию Маннергейма, в Ирак и Афганистан... Только профессиональные энтузиасты по собственной воле сражаются «за добро и счастье», но ведь и представления о добре-счастье у них своеобразные, элитно-личные².

² К примеру, в юности радикально-либеральный политик В.Новодворская хотела воевать с врагами-империалистами в Афганистане. Это не душевная болезнь – *активная гражданская позиция*, за которой

Эта тема у Стругацких присутствует практически во всех произведениях – борьба между «верхом» и «низом», единство их и взаимная неприязнь (иногда – ненависть). ТББ – это корни «каммереровского» цикла, в котором конфликт выведен в такие эмпиреи, что никакая цензура не придерется – разве что духовная, ордено-храмовая! – оттого что богатство и заслуги, сановный авторитет и деловые связи в качестве инструментов *земной* власти не рассматриваются. Статус якобы определяется характером личности: кто мудрее и ответственнее, больше знает и смыслит, тот и *главнее* («Парень из преисподней»³).

Ил. 2.

Речь, конечно, не о классах и стратах, угнетателях и эксплуатируемых, потому что вполне ухоженный и весьма благополучный, «суперинформированный» истеблишмент и в жизни, и в литературе является в той же степени заложником своих представлений о реальности, что и рядовые граждане, о чем также свидетельствует «каммереровский» цикл. Созидательный труд – благо, отличающее человека от животного, но вместе с тем и кара («в поте лица» добывается хлеб насущный), у каждого свое бремя – и «права». Тема труда у Стругацких – это и больное место, и побудительный мотив творчества, источник нравственной силы и гнева праведного. Эта тема требует не обсасывания избитых истин, но художественно-аналитического подхода... Выходит, что трудягам-интеллектуалам предложить «маленькому человеку» внутри его «клопиного»⁴ (по Маяковскому) мирка нечего, кроме презираемой маргиналами «сознательности» («просвещенности»). Ведь как только этот социальный тип получает возможность решить собственную участь и общее будущее, он оказывается «стандартным суперэгоцентристом» – тянет под себя материальные ценности, после чего «закукливается и останавливает время» («Понедельник»). Если это скрытая сатира на непродыхаемо «светлое» будущее-настоящее, то очень горькая... Наставник в повести «Град обреченный» предлагает юному герою-интеллектуалу путь просвещения, предначертанный *изначальным* социумом в послевоенной Москве. Нужно идти до конца, давить хищника в себе, пока и этот враг (воистину *внутренний*) не бросит оружие («Попытка к бегству»), – дорогу осилит идущий.

«классовость»! «Партийность» и «народность» доопределены были социально-эстетическими запросами, «цивилизационными предпочтениями».

³ Робот Драмба объясняет юному «фашисту-убийце» Гагу, что при взаимоисключающих командах он исполнит приказ землянина Корнея по той причине, что Корней видит-знает-понимает-может *больше*, только и всего.

⁴ Клоп Говорун, персонаж «Сказки о Тройке», олицетворяет принципиальный паразитический эгоизм.

Здесь, разумеется, нет ничего враждебного идеологии КПСС и СССР, причем не только идеологии советской, – книги Стругацких выходили по всему миру, сея «разумное, доброе, вечное», но почему же все-таки АБС получили такой вес и такое влияние на умы? Их популярность сравнима лишь с популярностью Владимира Высоцкого – актера-поэта, певца-композитора (герой «Гадких лебедей»), Виктор Банев, сочиняет и тут же поет «Лечь бы на дно, как подводная лодка», но и в этой повести имеется «клопный» мотив, даже *воитель-бард* при известных условиях может стать *социальным паразитом*).

АБС пошли по пути Ефремова в «светлое завтра» не как юнцы-энтузиасты, сделали свой выбор сознательно – и ответственно. Это предполагает как минимум три условия: 1) понимание и тогдашних, и проецируемых реалий будущего; 2) интеллектуализм как предпосылку для достоверной разработки *художественного* (т. е. этического, ценностного) конфликта; 3) ориентацию на интеллигенцию, интеллектуалов. Без первых двух условий НФ превращается в сказочку-фэнтези, даже сохраняя некую художественность, многослойную и символическую – условно-цитатную образность и реалистичность в изображении деталей эскейпистской рыночной продукции, забавы-игры для невинных досугов интеллектуалов-мещан... Следует, однако, определиться в сфере терминологии. Базовые понятия – представления об интеллекте и его носителях.

Представления об интеллекте, интеллектуалах и прочих образованных людях, внедренные в сознание двух поколений сограждан с помощью Стругацких

Интеллект. Под современным определением интеллекта понимается способность к осуществлению процесса познания и к эффективному решению проблем, в частности при овладении новым кругом жизненных задач, поэтому интеллект можно и нужно развивать. Часто эту способность характеризуют по отношению к задачам, встречающимся в жизни человека. Например, по отношению к самосохранению: выживание – «основная задача» для Современного Западного Человека; его интеллект – «прежде всего целеполагание, планирование ресурсов и построение стратегии достижения цели» (это азы политологии, геополитики и др.) [2]. Зачатками такового интеллекта обладают животные, и уже на этом уровне их интеллект посредством механизмов целеполагания и достижения целей влиял и влияет на эволюцию *видов*... Стало быть, человек – мыслящее животное, хищное и стайное, типа волка, хотя и с «трудовыми» руками, навыками-технологиями, а также речью, второй сигнальной системой? Главное для него – выжить! По этой шкале оценок, надо думать, у писателя В. Быкова и режиссера Л. Шепитько «прагматик» Рыбак, *выживший* благодаря измене и палачеству, интеллектуальнее «фанатичного» Сотникова?

Интеллект у АБС, как и образование (образование интеллекта), «всегда благо». Это от себя и от земного человечества говорит кандидат в действительные рядовые Мак Сим, возражая другу – Гаю Гаалу, чересчур интеллигентному для дубины-капрала. Интеллект предполагает и широту (*охват* – насколько возможно полная сумма информационных данных и впечатлений-образов, чувственно-интуитивных переживаний), и глубину мышления (*постижение* – привычка регулярно и упорно добывать, систематизировать и анализировать факты по многим направлениям информационного массива, синтезируя картину реальности), – тут и самоконтроль, и критицизм (по отношению к себе и прочим высочайшим авторитетам). Много всякого предполагает интеллект, включая *выживание*, но не любой ценой, разумеется: этика (прежде всего иерархия запретов и ценностей) – важнейшая часть «психотехнологического» аппарата, без нее носитель интеллекта сам себя уничтожает (гибнет нравственно и физически из-за саморазрушения). Возможны интеллектуалы-нацисты – белой субмариной командовал именно такой персонаж, и у контрразведчиков Державы Творцов чтимым является «знаменитый наш писатель-пропагандист Мор Баруту», и есть литературный классик, Верблибен, которого цитирует некий *штатский*, приговаривающий «выродков»-подпольщиков к расстрелу... Умник – государственный прокурор, тоже интеллектуал, и даже генералы такие есть, – например, Дергунчик, «панически боявшийся войны»... Примечательно, что лишь интеллектуалы и уголовники на Саракше носят клички-прозвища. Параллели между правителями и бандитами, подпольщиками и провокаторами так очевидны, что надувание щек с маскарадными отсылками к российской и мировой истории в «полудиссидентском» интеллектуализме АБС не просто излишне, но выглядит циничным, – сегодня, не *тогда*.

Интеллектуалы, впрочем, в «каммереровском» цикле представлены по-всякому. Максим Каммерер на Саракше попадает в «интеллигентную» семью, – капрал Гай и его сестра, официантка Рада, дети погибшего ученого, их дядюшка Каан – палеонтолог, видный специалист: до войны (и до *переворота* Огненосных Творцов, это как бы намек на Октябрь) ему «принадлежала вся эта квартира». Мак Сим отвечает ротмистру Чачу чистую правду насчет своего отца, – ученый! Анкета анкетой, но для Легиона суть каждого проверяется тем, поет ли он во время сеансов «белого излучения» патриотические песни или корчится от непереносимой головной боли...

Человеку свойственно ошибаться, но и в «странническом» цикле «шибальщики» не прощают себе подобных. Юноша Данг потерял отца-ихтиолога и мать, погибшую под бомбами, а «фашист-убийца» Гаг не может понять, за что его ненавидит сородич-алаец. Он, Гаг, олицетворяет для Данга худшее, что есть в «преисподней» на Гиганде, а люди Земли для Данга роднее сородичей, они ведут себя гуманно и сердечно («политически корректно» и «психологически грамотно», по-американски, – так это выглядит сегодня). Примечательно, что

Корней Яшмаа готовит операцию по спасению алайского математика, – тот «на уровне нынешней земной науки», «в чем-то даже выше», – и Гаг, вояка-сопляк, надлежащим образом консультирует прогрессора-землянина.

Щекн-Итрч, представитель разумной расы Голованов (киноид, та еще собака!) в «Жуке» является наследственным интеллектуалом, память у него наследственная, – он представляет всех своих предков и в перспективе потомков, – что, впрочем, не мешает ему ошибаться лично... Главное отличие живущих семьями-родами «псов»-киноидов от «обезьян»-гуманоидов – категорическое неприятие любых мировоззренческих концепций, противоречащих общественно-родовым нормам. «Инакомыслящие» бунтари и тем более революционеры в таком обществе-сообществе невозможны, *немыслимы*, зато земляне, даже «инженеры-ассенизаторы», технологи-экологи, интеллектуальны лично, хотя и легкомысленны, и прекраснодушны. Очевидны, однако, у «простецов» симптомы невроза пресыщенности, тепличного мироощущения, схожие с признаками социально-психической патологии в «Хищных вещах века». Может быть, это следствие интеллектуального расслоения общества на «ответственных» профессионалов – и прочих лиц, не слишком глубоко вникающих в то, что происходит в их мире? Они, видимо, изначально, с детства ленивы и нелюбопытны, эти члены «супергражданского общества»?

«У конформных индивидов формируется так называемое целевое мышление, сфера мышления индивида сужается до крайне ограниченных житейских пределов, широко распространяется интеллектуальный инфантилизм, а в среде интеллектуалов – созерцательность. В групповом мышлении начинают преобладать стереотипы, шаблонные ориентации, схематизированные матрицы поведения. Возникают деформации в содержании интеллекта, возможны деформации и в структуре интеллекта, в его организации»... Опять что-то «социально близкое», знакомое – не только в РФ или США!

«*Социальный интеллект* – способность правильно понимать поведение людей. Эта способность необходима для эффективного межличностного взаимодействия и успешной социальной адаптации» [2] – то есть для самосохранения человеческого общества. Иными словами, в «мире полудня» социальный интеллект атрофирован до такой степени, что никто, кроме правдоискателя-одиночки Айзека Бромберга, не чувствует и не понимает, что Мировой Совет и Комкон-2 приняли антигуманные, репрессивные решения – якобы из гуманных побуждений, ради сохранения тайны личности и тому подобных правоведческих ухищрений? Потеряно что-то очень важное, если слепая корысть в облинии новейшей системы безопасности, защиты человечества от «нелюдей» заставила *интеллектуалов* довериться «аристократам духа». Этический компонент интеллекта уходит на второй план, страх перед неведомым важнее – и нужнее, он становится священным, праведным...

Анализ многочисленных кризисов антропогенного происхождения на различных этапах социальной истории (и предыстории) определил «закономерную зависимость между тремя переменными: “силой”, “мудростью” и “жизнеспособностью” общества. Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества. Этот закон – “закон техно-гуманитарного баланса” – реализовывался во всей человеческой истории и предыстории. Гипотеза техно-гуманитарного баланса объясняет не только эпизоды саморазрушения процветающих обществ, но и гораздо более редкие (и еще более загадочные) случаи прорыва передовых культур человечества в новую историческую эпоху. Когда антропогенный кризис охватывал обширное географическое пространство с высоким уровнем культурного разнообразия, его обитателям удавалось найти кардинальный выход из эволюционного тупика. Описано не менее семи переломов в истории и предыстории человечества, следовавших за масштабными антропогенными кризисами. Это каждый раз было сопряжено с совершенствованием (повышением удельной продуктивности) технологий, усложнением социальной организации, ростом информационного объема интеллекта и перестройкой ценностно-нормативной системы» [3]. Иными словами, постоянно усложняющаяся и вместе с тем предельно упрощенная в формальном равенстве граждан нынешняя социальная действительность – следствие антропогенных кризисов. И в прежнем, «патерналистском», и в нынешнем «либеральном» мире эта тема раскрывалась благодаря изучению «неолитической революции», института рабства и последующих форм общественного разделения труда, формирования финансового и промышленного капитала, а также прочих грехов развития, катастрофических для архаичных идеологий.

Интеллект, способствуя *вынужденным* переменам, способствовал выживанию, но не спасал от раскаяния за содеянное во благо, ведь его носителями были натуры глубокие – профессиональные идеологи, высокодуховные проповедники-виртуозы! Как известно, до XVIII века интеллектуалом в современном смысле становился любой человек, умеющий читать и писать. Термин «грамотей» («книгочей» из ТББ) указывал на подавляющее количество неграмотных людей, «простецов»; термин «интеллектуал» распространение получил только в конце XIX века. Во второй половине XX века многие ученые и публицисты объединили понятия «интеллектуал» и «интеллигент»; идейные оппоненты *объединителей* рассматривают интеллигенцию в качестве чисто русского феномена – интеллектуализма высоконравственного, своего рода общественного («гражданского») подвижничества [4].

Интеллигенцию в качестве носительницы интеллекта социума можно исследовать и в качестве «прослойки», и как часть истеблишмента, и как особую систему производства потенциальных революционеров – элиты следующего поколения-формации, однако если Орфей

спускается в ад, это уже не поза «кающегося интеллигента», а призыв к «освобождению страждущих»! Новиков своего наилучшего дворового человека, грамотея-интеллектуала, продал, чтобы покрыть «просветительские» издательские долги; Радищев просто *написал книгу* о положении крепостных, – и масона-благотворителя посадили в крепость за просветительство, по той же причине философа-таможенника сослали в Сибирь... Это не *опала* – «цивилизованный» деспотизм на уровне дифференцированной, продуманной социальной политики, так что двуликость (отчасти и двуличие) нынешнего книгочея, ориентированного и на цивилизацию Запада, и на почвенничество с антиглобализмом, – явление объективное, как и наличие «аристократии духа», гонимой и унижаемой эпизодически-периодически, оплаканной *братом* из будущего – *благородным* Руматой, *коммунаром* Антоном... Однако аристократия духа – *тоже* аристократия, информационная элита! «Жалеете вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку» (Бабель, «Смерть Долгушова»). Святой Орден в ТББ и Огненосные Творцы в «Обитаемом острове», сразу и по-иезуитски, и по-хамски (плебейски) монополизируют «сферу духа», – вроде бы это и есть «крайняя форма феодальной реакции».

Ил. 3.

Тут вступает в права художественная реальность «оттепели», «хрущевщины»; образы и эпизоды по сюжету выстроены так, чтобы читатель искал и находил исторические аналогии... Не надо думать, что КПСС была монолитом без «подковерной» борьбы, – Стругацких использовали и как провозвестников светлого будущего, и как обличителей загнивающего Запада, и как достойный внимания объект для командного окрика. Несмотря на то, что запрещенные их произведения печатались на Западе (или благодаря этому), играли в «идеополитические» игры многие инстанции, – АБС именно благодаря этому разрабатывали этические темы, публиковали интеллектуально-нравственные притчи в НФ, реализуя свои творческие запросы. Этот «политпросвет» был источником свежего воздуха, открывал горизонты «интеллектуалистского» мышления. Политическую

(прежде всего историческую) область интеллектуального творчества забывать нельзя, фантастика не зря схожа с исторической прозой! Пусть «Орден меченосцев», с которым некогда сравнил ВКП(б) товарищ Сталин, мерзок и ненавистен юному пионеру... то есть коммунару Антону, с таким же успехом можно ненавидеть законы мироздания (термодинамику, как в

«Улитке»), а заодно финикийскую, эллинскую, римскую античные цивилизации, Средние века и Новое время... Можно бичевать за «деревенский идиотизм», винить в тоталитаризме и неприятии инакомыслия и родовую, и соседскую общину, эстетски рисуя кибер-дворников и звездолеты будущего, попутно восхищаясь высокой классикой прошлого («Гэндзи-моногатари»), – даже бакенбардами, как Малыш из одноименной повести, – однако творчество Стругацких на деле весьма иронично и к объектам-*вещам* не привязано: известна цена всему мирскому, брэнному, мимолетному! Интеллектуальная фантастика адресована тем читателям, которые по социальной роли сразу и «хранители» (жрецы абсолютной истины, созерцатели-знатоки, начетчики-толкователи), и люди действия (технологи-практики, экспериментаторы и изобретатели, промышленники и *коммерсанты*, в том числе и в искусстве), – но, конечно, прежде всего юношеству – будущим ученым, «научным работникам младшего возраста».

Идеологические игры интеллектуальны – и социальные, даже когда рассчитаны на «темное быдло», «хищное хамье»; они, игры, опираются на известные социальные брэнды, знаковые образы-реалии, – самые узнаваемые и отталкивающие... Если, к примеру, определяющими образами повести «Попытка к бегству» являются шоссе с машинами (символ античеловеческого прогресса) и «лагеря смерти» (инопланетный, но как бы «сталинский» благодаря холоду и снегу, и нацистский, где дымит крематорий), основными образами ТББ (якобы проходными, но на деле раскручивающими сюжет, углубляющими конфликт) становятся не антагонисты первого плана – интриган Рэба и одуроченный этим «трусом и дураком» Антон-Румата. Машины античеловечны – или люди, осваивающие их для своекорыстных (ужас какой!) устремлений? Действие невозможно и ничего не стоит без галереи *образов*, – это неукротимый бунтарь Арата Горбатый и глава бандитской империи Вага Колесо; изобретатель-«техник» Кабани и врач-*интеллигент* Будах; девушка-*мещанка* Кира и мальчик-*слуга* Уно; «безмозглый» барон Пампа и «политик известный» дон Тамэо; «глупая, похотливая курица» Окана и «трусливый» кузнец Кикус...

О чем, в сущности, речь? Об интеллектуальном конфликте – и образно-социальном видении? Зачем, прежде всего, Антон-Румата пришел в Мир Тьмы, якобы чуждый ему?

Наблюдатель высокоразвитой цивилизации (еще не прогрессор, у него нет права на вмешательство) принял участие в Эксперименте⁵ над собой и другими людьми. Что-то очень знакомое по земной реальности получается, – чужого горя не бывает, как бы ни пытались доказать обратное на ТВ *успокаивающими* сентенциями навроде «россиян среди погибших и раненых нет». Значит, интеллектуальный конфликт – прежде всего конфликт социально-

⁵ В повести «Град обреченный» свой Эксперимент – моделирование «гармоничного» общества, и социальный пессимизм (мнимый) у АБС таков, что порождает у героев-персонажей интеллектуальное самосознание, критическую самооценку и стремление к *развитию*, то есть это «роман воспитания». Научно-фантастический, не фэнтезийный, и по-настоящему интеллектуальный, так как истины науки «сказочной» магией (*романтической* мистикой, прежде всего) не подменяются.

этический? То, что Стругацкие вышли на психологическую глубину видения-постижения «воспаленного нерва эпохи» как будто остраненно, почти условно, не делает книгу абстрактной, безжизненной⁶. «Каммереровский» цикл – следующий шаг на пути к образно-художественному анализу таких структур, как социум, идеология и государство.

Если наш советский парень – не дурак и не «инфант», не хулиган и не «ботаник» – Максим Каммерер, потому что матом не ругается, спортивен и здоров зело, вредных привычек не имеет, а место прописки у него «где-нибудь возле Гладбаха, на берегу серебристого Нирса», тогда ситуация нравственного выбора Руматы переходит, развиваясь «по-детски», в цикл повестей, «художественно исследующих принципы интеллектуально-нравственного бытия человечества будущего»... Иван Жилин, Рэдрик Шухарт и прочие герои прямого действия вправе благословить собрата-юнца, который попадает в другой мир как бы случайно, борется-воюет за человеческие нормы бытия. У него впереди много конфликтов-катастроф – и от Корнея Яшмаа («Жук в муравейнике», «Парень из преисподней»), и для Льва Абалкина («Жук в муравейнике»), и через Тойво Глумова («Волны гасят ветер»). Дело в том, что камрад-геноссе Каммерер – русский интеллигент из *очень* светлого будущего («Полдень, XXII век», «Далекая Радуга», «Малыш»), там все такие, только он пока инфантильный, неприкаянный. Впрочем, юноша сей благоденствен и просвещен до такой степени, что не претендует на аристократизм духа, то бишь миссию хранителя священных принципов, хотя и занимается свободным поиском среди чужих звезд... Лермонтовский Вернер, помнится, тоже был русский, а Иванов-седьмой – немцем!

Коммерческая беллетристика разграбила, опошшила подобные сюжетные построения так, что никаким пиратам-мародерам, эпигонам-плагиаторам прошлого и не снилось. Сегодня восприятие Саракша или Гиганды у «нормального читателя» уже не вызывает болезненных аналогий с любимым Отечеством и всей планетой Земля, отчего у теперешнего интеллектуала, пожелавшего взять в руки «Обитаемый остров» (1968) после просмотра соответствующего блокбастера обязательно появится разочарование. Скучно читать умозрительно-игровые, условные построения, но если все-таки захочется понять, почему акценты в фильме и книге разные, отчего система тоталитаристского излучения-гипновнушения не худшая беда (ее «Центр» теперь в США, за океаном, и что?), придется реставрировать интеллектуальную атмосферу начала и конца 60-х годов – с переосмыслением пройденного, с начальными попытками «ревизии истории». Много их было, лжепророков, пытавшихся уравнивать в сознании молодых людей, знающих войну в основном по фильмам и книгам, «тоталитарные режимы в

⁶ Интеллектуальный конфликт (ИК) в советской литературе имел место у Горького, Шолохова, Платонова, Булгакова, Олеси, Л. Леонова и А.Н. Толстого; русская классика богата ИК со времен Гоголя и Герцена, Салтыкова-Щедрина и Достоевского, А.К. Толстого и Л.Н. Толстого, «борьба идей» есть уже у пушкинских героев (Онегин, Герман, Дон Гуан).

общей цепи насилия»! Отечественная же пропаганда была до того нудной и примитивной, что чужая ложь казалась полуправдой, по меньшей мере, а понимания того, что *гуманные* «западные демократии» в «психонасилии», промывании мозгов большую фору и Геббельсу, и Мао дадут, у интеллигенции не было. Ведь о чем, собственно, «каммереровский» цикл? Об этических (социальных) конфликтах, которые как бы ушли в подполье, спрятались. Именно что «как бы», – они не решены и грозят бедой, увидеть их и понять можно лишь *интеллектом*. Это не проблема «сталинизма» с тоской по «твердой руке», не грезы о «волюшке-воле», когда удалец со «стволом» ощущает себя *хозяином жизни* не столько своей, сколько любого встречного, который без оружия! Оружие, которым располагает «цивилизованный мир», опаснее для него самого, чем для Ирака и Ливии, Ирана и Пакистана, – безответственное отношение *хозяев жизни* к жизни «других» означает – что?.. Перспективу самоистребления, это всякий врач-психиатр растолкует умникам терпеливым в художественных деталях истории болезни.

«Социальная Атлантида» Стругацких теперь доступна только очень-очень толковым детишкам, у которых нет заступников, зато есть одноклассники либо соседи, с которыми приходится жить рядом, хотя они считают себя нравственно выше и физически сильнее. Национально-религиозные системы доминирования («землячества» и «крыши»), самые грязные принципы господства-насилия пришли в якобы прекраснородушный «мир полудня», который превращен в кормушку (но и ловушку) для социальных паразитов всех мастей.

По сюжету интеллектуальный конфликт прошлого-настоящего прост: прогрессивные люди против темных и злых, «наши» против «чужих», но что-то не то получается у героев, – за что ни возьмутся, приносят беду, Дон-Кихоты доморощенные, то есть дон-Руматы... Прямо по Виктору Конецкому: «Ну скажи, какая от тебя польза, кроме вреда?!». Отзыв на этот пароль печален, хоть и анекдотичен: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Эволюция личности героя и образ человечества в «каммереровском» цикле

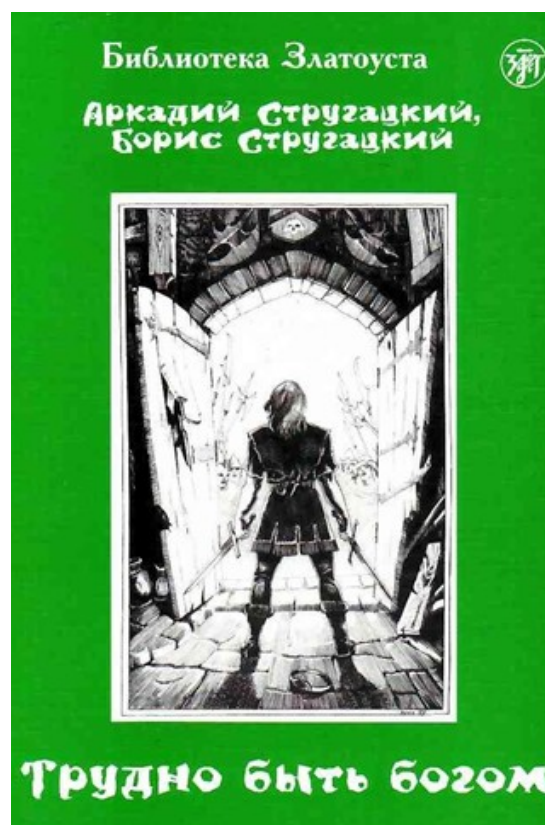
Герои у Стругацких отнюдь не романтические – исключительности в них нет, даже великолепный Иван Жилин («Путь на Амальтею», «Стажеры», «Хищные вещи века») имеет перед собой светлые образы старших товарищей-коллег, для которых само слово «герой» предполагает позерство, незрелость! Герой в «каммереровском» цикле близок к герою романтическому только в «сфере случая» – он в некотором роде «игрушка судьбы». Исключительные обстоятельства требуют, тем не менее, «нормального» отношения к себе и другим. Например, уничтожить главное зло на Саракше не получится, даже если взорвать «гипноцентр», – здесь Максим является жертвой страстей, но не похоже, что они слишком сильно играют его измученной душой. Опыт, который он получает, напоминает порку распоясавшегося шалуна с назидательными сентенциями аборигенов (Зефа, Гая, Лесника,

Колдуна), а затем и землянина Рудольфа Сикорски, резидента Совета галактической безопасности. Высекли юнца-мальца, как псевдоинтеллектуала Васисуалия Лоханкина, чтобы гасил свет в коммунальном сортире, различал в себе самое добро от зла... И в ТББ так экзаменуемого палача наставники его наказали, – выпороли «деловито, без излишней жестокости» (видимо, за излишнее рвение, «порчу матерьяла»).

Приключения на Саракше – вполне богатырские, Максим отличается от аборигенов Саракша силой-живучестью и умением драться. Ничего, кроме глупостей, он вроде бы не совершает, конфликт *как бы* мнимый, однако нравственное и рациональное «гуманистические начала» корректируют друг друга... Осчастливить *втайне* (насильно) нельзя, «спасти несчастную планету» по секрету и со стороны не получится, технологии не всесильны. «Либо ты наш и тебе можно верить, либо...», – лети домой, благодетель!

Максим останется, но останется землянином и станет прогрессором. Вторая повесть цикла, «Жук в муравейнике» (1979), более конфликтна. Что могут натворить «люди полудня», напуганные иноцивилизационной мощью? Несколько детей человеческих, «подкидышей сверхцивилизации», становятся заложниками предрассудков и опасений тех, от кого зависит защита Земли, ее цивилизации. Весьма показательна история Льва Абалкина – молодого ксенопсихолога, секретными

бюрократическими махинациями превращенного в прогрессора. Его делают таковым, хотя медицинские показания, начиная с типа нервной деятельности, это запрещают, однако «старшие» (Экселенц-Сикорски и подобные ему *профессионалы*) ужасно пугаются, когда воспитанный ими же *боец* Абалкин с помощью прогрессорских методик выясняет, отчего ему сломали жизнь, отняли любимую работу. Экселенц убивает Абалкина, но это не следствие паранойи. «Логическая ловушка» для ответственного лица, начальника-лидера: если есть внешняя угроза (сверхцивилизация Странников, на много порядков и на миллионы лет развития превосходящая земную), приходится сознательно держать в неведении о мерах по обороне весь «мир полудня», кроме горстки избранных. Самые информированные, испытанные люди с опытом борьбы против примитивных хищников, что они могут и что творят? Репрессии, только и всего.

Ил. 4.

Главным героем «Жука» является Сикорски, – героем-жертвой, раздавленным своим же профессиональным опытом. Он убивает не Абалкина, а принципы «светлого» мира, где уважение к человеческой жизни (разуму-личности) пропорционально возможностям и намерениям члена общества, – не смей убивать и мучить, обманывать и унижать! Но как быть, если «подкидыш» уже самим своим существованием вызывает страдания у человека соответствующих воззрений? Ксенофобы, «неоконы», расисты, нацисты, религиозные и прочие фанатики – тоже люди, среди них встречаются яркие интеллектуалы и одаренные личности, зачем же их мучить неприязнью, принуждать к «мирному сосуществованию»? Для таких всякий *другой* – потенциальный враг, а война – естественное продолжение борьбы-конкуренции: убей – или будешь убит! За этим стоит конкретный экономический и политический (исторический, прежде всего) уклад. Сикорски убивает в согласии со своим интеллектом-опытом: он *спасал* другие миры-цивилизации вопреки их воле и миропониманию, а теперь *спасает* Землю от «подкидыша»-кроманьонца, рождение которого из «саркофага-инкубатора» обернулось его, Экселенца, личной трагедией.

Примечательно, что Корней Яшмаа тоже из числа «подкидышей», но он знает о своем происхождении, ему позволяют держать себя под контролем, он полноправный гражданин Земли, а не прислужник-пасынок. Его якобы оставила жена, у них взрослый сын, его уважают друзья-коллеги... В этом случае человечество приобрело союзника и возможного лидера, сразу ученого и бойца, там же, где потеряло Абалкина, а всего-то нужно было дать свободу выбора, – не ожесточать, не превращать в никому и ничему уже не верящего страдальца, *дозволить* (!) самому вершить свою участь-судьбу! Члены Мирового Совета все делают «во благо», но о благе ближнего у них либеральные, не демократические представления, и решения эти сведущие люди принимают «для народа, но без народа», – мнения *рядовых* сограждан всерьез никто не принимает, не спрашивает. Причины якобы уважительные, объективные, но логика этого секретничания и примитивна, и порочна: слепцы не могут видеть зрячих, могут лишь стрелять наугад, по сути же – друг в друга.

Третья повесть цикла – «Волны гасят ветер» – о том, каково «бедным злым людям» жить рядом с гигантами духа, имеющим сверхспособности, и как человечество делится на две ветви – «люденов» и людей. Шимпанзе и хомо сапиенс, как известно, имеют общего предка, но приматы не шли через такие страдания, чтобы *выжить*! Это пунктик *западной цивилизации* – «выживание», но военная и экономическая мощь ничего не гарантируют; если бы это было не так, историю бы развивали «сведущие люди», но пока что таковые могут лишь признавать свои ошибки, в лучшем случае.

Следователь Тойво Глумов по иронии судьбы уходит в сверхцивилизацию, – ведь его мать, первая и единственная любовь «полуинопланетянина» Льва Абалкина, в юности едва не

стала жертвой «чувства сострадания»: чтобы не мучить ребенка, усыновленного негуманоидной цивилизацией, решила поссорить его с людьми («Малыш»). Мучительно трудно *малышам* искать ответы на вопросы, которые не имеют окончательных решений, но именно этим («вселенской этикой», по Комову) занимается взрослеющее человечество.

Специфика интеллектуального конфликта в «каммереровском» цикле – и в целом у АБС

Художественная деталь у АБС стала скрытой пружиной развития конфликта-действия, но определяет специфику творчества Стругацких «драма идей», столкновение социальных страт («классовость»), и при этом была принципиальная «скромность» фантазии, а уход от громогласной декларативности гарантировал «принцип айсберга». Со временем, однако, эти вещи ушли «на глубину», и то, что вчера было ясно и взрослому интеллектуалу, и «научному работнику младшего возраста», как бы утратило конфликтный пафос, однако Мир Полудня остается сиять, остается вершиной гигантского вулкана, вознесшегося над ушедшим под воду материком... Остались другие книги-острова (вроде «Понедельника», «Улитки», «За миллиард лет», «Второго нашествия», «Хищных вещей века» и др.). Интеллектуальность определяется не формально-идейной начинкой текста, а уровнем конфликта; не сюжетом как таковым, но его жизненным содержанием, и степень увлекательности «в идее» может быть высочайшей, хотя есть и другое мнение.

Любое утверждение, позитивное или негативное, в НФ – проповедь, а описание чьих-то приключений – притча. По мнению Д. Володихина, приключенческую составляющую текста интеллектуальная фантастика (ИФ) *всегда* ставит на второй план: «Автор ИФ сознательно отдает предпочтение философской, религиозной, этической, социальной начинке текста. Авторы ИФ используют на порядок более богатый арсенал художественных приемов (речь идет о “хардкоре”, “твердом ядре” фантастики). Для ИФ характерны поиски собственного языка, эксперименты с языком, любовь к филологической сложности: человек, поставивший на “гладкопись”, из ИФ вылетает автоматически», – а «полевые исследования» в области языка нерасторжимо связаны с пониманием простого принципа: содержанию текста необходимо адекватное эстетическое оформление. К тому же «эстетика ИФ не обязательно тяготеет к классическим образцам, к Серебряному веку, к высокому штилю... Фантаст-интеллектуал может избрать для себя роль густого трэшевика – да, но только если трэш начинает работать в тексте как подпорка для философского высказывания, а не как самоценный элемент. Собственно, ИФ, в большинстве случаев, литература эстетов и эрудитов»⁷.

⁷ В книге Д. Володихина отмечено, что новелла Севера Гансовского «День гнева» (1964), повесть Михаила Анчарова «Сода-Солнце» (1965), роман Ольги Ларионовой «Леопард с вершины Килиманджаро» (1965), трилогия Александра и Сергея Абрамовых «Всадники ниоткуда» (1967–69) сыграли важнейшую роль в становлении ИФ, ни

Интеллектуализм – набор приемов, а не борьба идей? ИФ обращена к аудитории «квалифицированных читателей» фантастической литературы и не рассчитана на успех у читателя *массового*? Получается, что, «если все-таки произведение ИФ обрело широкую популярность, это сбой программы. Следует искать внешние по отношению к самому тексту причины: конъюнктуру рынка, очередную аварию социума, сконцентрировавшую внимание читателей на определенной стороне жизни, рекламные усилия издателя и т.п. Автор ИФ сознательно отказывается от попыток “понравиться всем”»... Несовместимы интеллектуальность с популярностью? А эстетизм и эрудиция пошлятиной не бывают?

Д. Володихин полагает, что советская ИФ родилась в повести «Попытка к бегству» и других повестях Стругацких, где «философия затмила сюжет, в фантастической литературе был применен невыносимой доселе изысканности художественный прием (ампутация событийной основы всего действия), эстетика джутовых мешков столкнулась с эстетикой звездолетов, <...> однако мировоззренческая ориентация не сыграла главной роли в огромном художественном сдвиге, начавшемся в фантастике» [5]. Здесь, возможно, допущена ошибка: декларируемое мировоззрение иногда расходится с подлинным. «Интеллектуалистские» тексты несут и декларативное содержание (риторику общих мест, служащую своеобразным «пропуском в жанр», эстетическим маркером), и совершенно другое образно-художественное содержание, но это другая тема, более обширная.

Истоки интеллектуальной фантастики в СССР – не социальные утопии и не философские эссе, это сразу и Беляев, и Обручев – «приключенческо-педагогическое просветительство», то есть пробуждение «спящих возможностей многомиллионных масс к техническому и социальному творчеству». «Пролетарское государство», канувшее в Лету, унаследовало от Российской империи не только патриархальное крестьянское хозяйство, неграмотное и малограмотное население, но и хороших инженеров и ученых, – уехали далеко не все. Востребованность интеллигенции была столь же очевидной, как ее буржуазные вкусы, в этой связи можно вспомнить нытика-Интеллигента из «Мистерии-буфф», – эта модернистская пьеса была предназначена Маяковским для воспитания народных масс... В другой его пьесе, «Баня», движение в светлое будущее обусловлено изобретением интеллигента Чудакова (фамилия характерная, почти классицистская), которым пренебрег совчиновник Победоносиков и которое едва не увез в качестве стратегического оружия американский миллионер Понт Кич (тоже классицистика – с блатняцкой феней). В итоге главначпупс Победоносиков и акула капитализма

в малейшей степени не будучи ориентированы на «социально-либеральные ценности», в отличие от повестей Стругацких, но «либеральные ценности» для АБС – только часть «интеллектуалистского» проекта. Важная, но не решающая (достаточно прочесть «Полдень...», «Хищные вещи века», «Второе нашествие...», «Пикник...», «За миллиард лет...», «Пять ложек эликсира» и «Жиды города Питера»). Это не «активная жизненная позиция» в политическом аспекте, но «система проектируемых отношений», где согласно *нравственным запросам читателей* использованы «интеллигентские» установки-принципы.

Понт Кич оказываются в одной компании, светлое будущее их не принимает, в отличие от интеллигентов-трудяг, пусть даже и «нытиков» – например, машинистки, уволенной при очередной кампании за чистоту рядов советских служащих за то, что «губы красила»...

Мелькнут и у АБС «путающиеся под ногами нытики и маловеры» – в самом начале творчества, в повести «Страна багровых туч», – они мешали титану духа и воли Краюхину, главе космического ведомства, автору проекта покорения Урановой Голконды на Венере. Сегодня это выглядит конъюнктурой, но на деле это не так. Чтобы прояснить ситуацию, придется пересказать кое-что об идеологии как основе интеллекта и конфликтов его.

«Концепт “идеология” допускает существование разрыва между социальной реальностью и ее отражением в головах представителей различных классов и групп. Этот разрыв делает возможным существование ложных идей, отражающих эту самую объективную реальность неправильно. <...> Сегодня это “суверенная демократия”, завтра – “демократизация”, послезавтра – “гуманизм и человеколюбие”. Главное, чтобы в базисе ничего не менялось... Именно такому инструменталистскому отношению к идеям и необходимо противостоять. <...>. Реальность творится или конструируется самими идеями. Поэтому нет противоречия между объективной реальностью как некой вещью-в-себе и идеологиями как различными ее отражениями, есть противоречие между различными идеологиями, каждая из которых в актуальности или в потенции творит свой вариант социальной реальности. Собственно, эта самая “жизнь как она есть”, сводящаяся к грызне за некие ресурсы, и есть одна из интерпретаций, та идеология, в соответствии с которой существует сегодня Россия. И правы те, кто разоблачает ее, выводит на ясный свет весь этот мрак. Но параллельно с этим не нужно забывать и о том, что разоблачив одну реальность, мы одновременно разоблачаем и лежащую в ее основе интерпретацию, а значит, чтобы критика не была просто ради критики, необходимы и альтернативные интерпретации» [6].

Как известно, у Стругацких была собственная интерпретация действительности, свои идеологические построения. Оттого пришлось изведать им злопыхательство «дружеских» попреков и окаянство ненавистнического шельмования, но здесь очень кстати всплывает известный постулат: в науке (а иногда и в литературе) правильная постановка вопроса важнее, чем его решение, потому что реальность глубже любой возможной проекции-модели. «Модели реальности – те, конечно, устаревают. <...> Дарвин устарел ровно в том смысле, в котором устарел Коперник, устарел Аррениус, устарел Бор. Свое значение положительное эта модель сыграла, но сейчас модели несколько другие, созданные на ее основе» [7]. Модель, основой которой остается тот же конфликт, развивается в качестве истины, постигаемой глубже и глубже. Перефразируя Д. Володихина, можно утверждать, что интеллектуальная фантастика

предполагает борьбу идей как принципиально важную часть борьбы социальной, в противном же случае она является имитацией, подделкой [5].

Приобщенность к бескрайним горизонтам реальности будущего дарило читателю (молодежному и массовому, не снобам) видение *трудовой миссии*. Эстетическая нагрузка и традиционное уважение к знанию как таковому в социуме были тому причиной, а также растущая неприязнь к официально-казенному просветительству, свойственная не только маргиналам. Лаконичный и скрыто-полемический, модельно-культурологический и образно-эссеистический стиль Стругацких сегодня использовать (или спародировать) очень трудно. «Дискурсивные формы интеллектуальной игры для посвященных», подобные «типовым моделям» их афористичной, просветительско-агитационной прозы, можно сегодня найти где угодно, – не только в России, но теперь это имитация, «развлекуха» с претензиями на интеллектуальность. Литературные идеологи Европейского Союза пользуются ныне теми же «социоприемами», что некогда Стругацкие (Януш Вишневский и Уве Тимм, например). Одновременно со Стругацкими в СССР публиковали очерки и статьи, издавали нравственно-просветительские книги Леонид Жуховицкий, Татьяна Тэсс и другие воспитатели общества, бывшие в данном качестве важной частью советской культуры в идеологическом плане («ан масс», изрек бы профессор Выбегалло, сатирический персонаж АБС). Более необходимой, по своему кодифицированной, и более важной, чем *казенные* искусствоведение и музыковедение, литературно-художественная, театральная и кинематографическая критика. Отец и мать «калечат» ребенка, прививая одобрением и порицанием, шлепками и поцелуями общеизвестные принципы-нормы, это и есть социальная адаптация, требующая затем самостоятельных усилий от подрастающего человека, *личностного* «бунта» как проверки незыблемых доселе истин вчерашнего дня.

Да, АБС эпизодически увлекались абстракциями, принимали идеи как реальность. Например, в повести «Гадкие лебеди» есть патетическое моралите социально-психологического плана – о минувшей войне. Тогда это была *в меру* критическая, не провокационная точка зрения, а сегодня это высказывание уже похоже на стандартную «промывку мозгов», декларируемое презрение к «массовому» человеку... Получается, если читатель не чувствует исторического контекста, современная казенно-демагогическая прививка «быдломассовидного» и одновременно шкурнического элитного сознания – в стиле чеховского Черного монаха. У Стругацких, однако, указан путь защиты и развития человечества от казенщины как патерналистской, так и либеральной, – «союз науки и труда», поскольку интеллектуальный труд привлекательнее досуговых развлечений. Да, это кризисное сознание, но и зеркало действительности! Целое, не разбитое, – утопия-антиутопия, проповедь с притчами, эссе-поэма в «томах-подкидышах» с детскими лицами.

Многие хотели опорочить наследие АБС. Издавались циклы произведений, идейно-эстетически дискредитирующих их образы мира, – например, С.Т.А.Л.К.Е.Р. или «Время учеников»⁸, – но если Борис Натанович утверждает, что «всегда голосовал за СПС» и от молодых ногтей либерал, политически благонадежный, это не значит, что произведения *сожжены* (напророчил себе, однако, роль Гура Сочинителя из ТББ, «открывателя самой плодотворной дороги в литературе»). Конфликт не исчерпан, у каждой книги своя судьба!

Если «Обитаемый остров» сегодня самая *сухая* книга «каммереровского» цикла, это знамение времени. Времена меняются, а вечные ценности классики рождаются из «живой жизни» и совершенствуются в испытаниях, в том числе идейно-интеллектуальных, развиваясь и углубляясь. Мир Полудня доныне противостоит «темному прошлому», хотя на деле прошлое отнюдь не темно, интеллектуалам открыты его пространства – в раскручивающейся, развивающейся *далее* «вселенской спирали времен и миров».

Выводы

Интеллектуальная фантастика *после* Стругацких – уже не «поучение в развлечении», но *художественная* постановка вопросов, нравственно доступных далеко не всем, а также устремленность к постижению «неведомых глубин» от Космоса до скрытых возможностей человеческого организма – развития психики, уровня-потенциала мировосприятия, принципов трансформации «биосоциальных структур» и т.д. Конфликтность идейности – борьба с хищничеством, спрятанным в мнимой инертности, показательной бездумности.

Уровень художественного анализа в «каммереровском» цикле таков, что на фоне внешней интриги (боевика или детектива) якобы пропагандируется (испытывается на прочность) вера в человека – «гуманизм»: это и перспективы человечества, и осмысление опыта XX века. Стругацкие отвергают романтизацию прошлого-настоящего – и заодно будущего, высмеивают эстетизацию уродств как «цивилизованного», так и природного бытия; это интеллигентский скептицизм, проверка лозунгов на истинное их содержание.

Перспективы влияния произведений АБС на читателей зависят от перспектив российского общества. Если угасание интеллектуальной элиты продолжится, Мир Полудня будет оказывать на читательскую аудиторию все более сильное воздействие, пока не вернутся нравственные ценности созидательного труда, и тогда российская наука и ее дочь, интеллектуальная фантастика, получат от общества новый импульс развития.

⁸ На самом деле это совершенно самостоятельные произведения: «вхождение в миры АБС» явилось чисто внешним даже у таких выдающихся фантастов-учеников, как Вячеслав Рыбаков и Александр Щеголев. Трансформация идеологическая и политическая в желательном тогдашним властям предрежающим духе не состоялась, «деидеологизация» провалилась.

Список литературы:

1. *Снегов С.* Толковый словарь лагерно-блатного языка // Язык, который ненавидит. – М.: Просвет, 1991. – 224 с. – (Преступление и наказание в мировой практике).
2. Интеллект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82>» (дата обращения: 14.06.2011).
3. *Назаретян А.* «Интеллект современного человека – это искусственный интеллект» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.vz.ru/society/2011/6/14/499281.html> (дата обращения: 14.06.2011).
4. Интеллигенция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB>» (дата обращения: 14.06.2011).
5. *Володихин Д.* Интеллектуальная фантастика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://readr.ru/dmitriy-volodihin-intellektualnaya-fantastika.html> (дата обращения: 14.06.2011).
6. *Узланер Д.* Без идеологии никак: Взгляд из утопии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Bez-ideologii-nikak> (дата обращения: 22.05.2009).
7. *Еськов К.* Эволюция и автокатализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://polit.ua/lectures/2011/04/15/eskov.html> (дата обращения: 14.06.2011).

Сведения об использованных иллюстрациях:

- Иллюстрация содержания. Братья Стругацкие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.convent.ru/berkova/Photo1/images/pht03.jpg> (дата обращения 19.07.2011).
- Ил. 1. Братья Стругацкие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://img1.liveinternet.ru/images/foto/843157/f_1003113.jpg (дата обращения 19.07.2011).

Источник: *Культура в современном мире.* — 2011. — № 5-6. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>